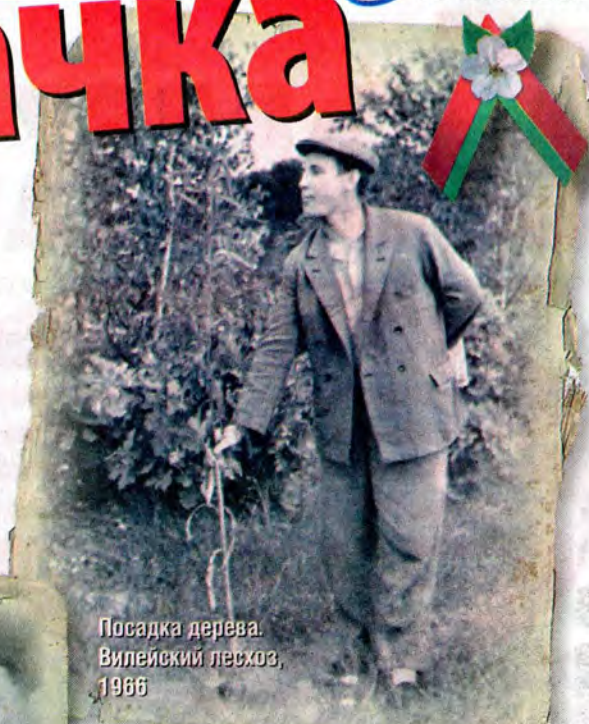

Святая бульбачка

Николай Федорович Ловчий – заслуженный ученый. 20 лет он возглавлял кафедру почвенной энзимологии в Институте экспериментальной ботаники Академии наук. Защитил докторскую диссертацию. Изучал строение и химический состав почв. Так что может определить, где и что посадить, чтобы прокормить семью и страну. Но цену куску хлеба знает не из учебников.

Посадка дерева. Вилейский лесхоз, 1966

На защите кандидатских диссертаций, 1966. Слева направо: В. Гельтман, Н. Шкутко, Н. Ловчий, О. Сидоренко

Моего отца Федора Титовича

призывали в армию дважды. В первый раз во время Первой мировой войны. В 1914 году он попал в плен. Там так хотелось есть, что однажды, когда надзиратель кинул в клетку пайку, за нее началась драка. Закончилась, только когда кто-то крикнул: «Затоптали!». Арестанты успокоились и пригляделись: парень, который лежал под кучей тел, уже не дышал. Получается, умер за ломоть хлеба.

Пленных русских продавали бауэрам – немецким помещикам. Те приходили на «смотрины». Как у лошадей, проверяли зубы, щупали мускулы. В 1918-м отца взяли на ферму, поселили на чердак коровника. Заставляли работать с утра и до ночи за похлебку. Домой отпустили только в 1922 году, когда стороны обменивались пленными. Когда мой дед увидел своего Федора, которого не было 8 лет, упал в обморок. Вы не представляете, какое это было для него счастье. Сын вернулся!

22 июня 1941 года

отец, как обычно, вернулся с поля, где пас колхозных коров. И всем нам сообщил то, что услышал по уличному радио: «Началась война». В тот же день над деревней пролетели юнкерсы и мессеры. Они направлялись к

аэродрому Кожирино, чтобы уничтожить авиацию. Сверху поступило распоряжение гнать на восток технику и скот. А куда – не сказали. Это было похоже на панику. Выезжала колонна тракторов, на дороге заканчивалось топливо, машины бросали. Отец гнал на восток колхозное стадо. Коровы недоенные, не слушались пастуха. Вскоре папе пришла повестка (в 50 лет его снова призывали в армию). Он вынужден был

оставить коров. Те так и остались погибать недалеко от деревни.

Мать собрала отца в дорогу. Вместе с младшим братом Петром он ушел в Шкловский райвоенкомат. Там их не успели переодеть в военную форму и выдать оружие, отправили на фронт. Так они отступали до Вязьмы.

Мама была в положении, не могла работать в колхозе. Но на каждую семью определялась норма работ. Ее выполняли мы, дети вместе с матерью. Мы и жали, и пахали, и косили.

В родной деревне Каменке

отец встретил будущую жену, красавицу и мастерицу на все руки Анну. Приданым на свадьбе было разноцветное одеяло в расписных узорах, которое она сшила сама. В 1924 году у них родилась дочь Дарья, в 1926 – Настя, в 1928 – сын Адам, а

18 декабря 1930-го на святого Миколу на свет появился я.

Жили на хуторе, потом в коммуне. После ее роспуска началась коллективизация, пришлось сдать весь скот в колхоз. В хозяйстве разрешалось держать только одного коня, корову, свинью. Когда роди-

лись поросята, к нам домой пришел инспектор и хотел выпи- сать огромный штраф за каждую кроху. У семьи не было таких денег. Тогда отец убил поросят прямо на моих глазах. Их было очень жаль. Но отца можно понять. Иначе не выжила бы вся наша семья.

Началась оккупация.

В Каменке были страшный голод и болезни. Умирали целыми семьями. Зерно, мясо, яйца, овощи фашисты забирали. Картошку мы прятали глубоко в землю. Откапывали потом ее потихоньку. Однажды в деревню пришел цыган просить милостыню. Мать дала ему вареной картошки. Он откусил, перекрестился и сказал: «Святая бульбачка».

Гитлеровцы ходили на покорм по домам. Однажды они нашли в сундуке мамино одеяло – нашу главную семейную ценность. И унесли.

В хате вместо светильника использовали гильзы. Туда заливали керосин, опускали фитиль и поджигали. Получалась керосиновая лампа. Единственной игрушкой за все детство у меня была деревянная палочка, которая обвязывалась веревкой. Когда дергаешь за концы веревки, палочка крутится и жужжит. Вот такое детское счастье.

Ботанический сад. Галлия, 1969

С модными в то время длинными волосами. Слуцкий лесхоз, 1964

В 1944-м мы знали, что войска Красной армии рядом. Возле Горок, где проходила линия фронта, в ясную погоду виднелся веер из трансирующих пуль. Вскоре немцы отступили. Началась обычная жизнь. В сентябре я наконец пошел в 6-й класс – на время войны в деревне школа была закрыта.

В августе пришла похоронка на отца. Он погиб подо Ржевом.

В мае 45-го предчувствие Победы витало в воздухе. Из газет узнали о взятии Берлина и ждали, когда же она наступит. Первой в районе о том, что гитлеровские войска подписали акт о капитуляции, сообщила почтальонша. Для этого она пробежала до

деревни 17 километров. Добравшись, сказала только одно слово: «Победа!» – и свалилась без сил.

В 1952 году я отправился инженером под Гжацк. Прошелся по полям, где воевал отец. Там можно было увидеть незахороненные кости, скелеты солдат – в шинелях и валенках. Может, среди них был и мой отец?